

Двухэтапность предопределяет сложность законодательной конструкции, в рамках которой необходимо закрепить рассматриваемую категорию.

На основании вышесказанного предлагаем дополнить главу 27 УК Республики Беларусь «Преступления против общественной безопасности» статьей следующего содержания:

«Статья 289¹. Компьютерный терроризм

1. Изменение, удаление, блокирование компьютерной информации, компьютерной программы, вывод из строя компьютерной сети или компьютерного обеспечения, создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений, причинения ущерба в крупном размере или наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации общественного порядка, либо устрашения населения, либо оказания воздействия на принятие решений государственными органами, либо воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, либо провокации международных осложнений или войны, либо дестабилизации внутреннего положения иностранного государства, –

наказывается ...

2. Компьютерный терроризм, повторно, либо группой лиц по предварительному сговору либо повлекший причинение ущерба в особо крупном размере или иные тяжкие последствия, –

наказывается ...

3. Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, сопряженные с убийством человека либо совершенные организованной группой, –

наказывается ...»

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАРАЗНЫХ БОЛЕЗНЕЙ ЖИВОТНЫХ: ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

А. А. Пухов, Белорусский государственный университет

Системный анализ уголовного законодательства зарубежных государств позволяет констатировать существование развитой системы запретов в рассматриваемой сфере. В уголовных кодексах (далее – УК) многих государств наличествуют отдельные структурные части (разделы, главы, статьи), регламентирующие ответственность за деяния, связанные с трансмиссией опасных болезней. Тенденциозно, в европейской уголовно-правовой культуре в течение длительного периода времени сложилось устойчивое понимание необходимости наличия в УК средств противодействия распространению заразных болезней. Во многом это обусловлено историческими предпосылками – эпидемиями инфекционных болезней в период средневековья и нового времени. В странах с теплым и

жарким климатом или высокой плотностью населения (например, Аргентина, Китай) наличие таких норм в УК является необходимым элементом обеспечения общественной безопасности и поддержания здоровья населения на должном уровне. Структурный анализ подходов к расположению в системе норм Особенной части составов преступлений, опосредующих борьбу с заразными болезнями животных, выявил разнообразие родовых и непосредственных объектов преступления (базисных охраняемых ценностей): экологическая безопасность (УК Австрии, Сербии, Сан-Марино), экономические отношения, включая отношения собственности (УК Китая, Израиля, Аргентины, Сербии, Голландии), народное хозяйство (УК Болгарии), народное (общественное) здоровье (УК Китая, Аргентины, Швейцарии, Испании, Сербии, Сан-Марино), общественная безопасность (УК Дании, Польши, Швеции, Норвегии, Сан-Марино, Голландии). Это свидетельствует, что расположение составов преступлений, регламентирующих противодействие трансмиссии заразных болезней животных, в системе норм Особенной части УК, зависит от приоритетных (в контексте охраны) общественных отношений конкретного государства.

В законодательстве государств дальнего зарубежья используется концептуально иной подход (по сравнению с Республикой Беларусь) к описанию деяния как признака объективной стороны состава преступления. Лицо подлежит наказанию за сам факт (или создание угрозы) трансмиссии заразных болезней животных. Устойчивая закономерность наблюдается и в стабильном понимании опасности, исходящей как от непосредственно возбудителей болезней животных (УК Австрии, ФРГ), так и зараженных: кормов (УК Испании, Сербии, Швейцарии), продуктов животного происхождения (УК Дании, Испании, Швеции, Сербии), воды (УК Австрии, Польши, Швеции, Швейцарии), ветеринарных препаратов (УК Китая, Сербии) и т. п. Следовательно, иностранный законодатель абстрагировался от использования оборота «нарушения специальных правил» как базисного признака объективной стороны состава преступления, преобладающего в УК большинства государств постсоветского пространства.

Вместе с тем уголовному законодательству ряда зарубежных государств (УК Штата Техас, Австралии, Кореи, Франции, Японии) вовсе не известны какие-либо нормы, регламентирующие порядок противодействия распространению заразных болезней животных. Бесспорно, что такой подход является неприемлемым. Во-первых, это противоречит международным соглашениям (ст. 1 Международной конвенции о борьбе с заразными болезнями животных (Женева, 20 февраля 1935 г.), актам Международного эпизоотического бюро). Во-вторых, не соответствует объективно складывающимся реалиям развития современного общества.

Таким образом, при формировании необходимой и достаточной системы уголовно-правовых норм, опосредующих борьбу с трансмиссией

заразных болезней животных, в национальном законодательстве следует учесть опыт современного уголовного законодательства государств дальнего зарубежья.

К ВОПРОСУ О СУДИМОСТИ КАК ПРИЗНАКЕ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Р. Е. Юльский, Белорусский государственный университет

Рецидивом преступлений согласно ч. 1 ст. 43 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) признается совершение нового умышленного преступления при наличии у лица не снятой и не погашенной в установленном порядке судимости за умышленное преступление. Таким образом, законодатель связывает понятие рецидива преступлений с наличием у виновного судимости за совершение предыдущего преступления.

В силу норм ч. 2 ст. 45 УК лицо считается судимым со дня вступления в законную силу приговора суда вплоть до погашения или снятия судимости, если приговор не был отменен в установленном законом порядке. В соответствии с ч. 1 ст. 180 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) срок судимости исчисляется с момента вступления в законную силу обвинительного приговора суда.

Буквальное толкование приведенных норм ч. 1 ст. 43 и ч. 2 ст. 45 УК, ч. 1 ст. 180 УИК свидетельствует, что рецидивом преступлений является совершение лицом нового умышленного преступления только после вступления в законную силу обвинительного приговора суда за совершение предыдущего умышленного преступления. Данный вывод можно встретить и в работах о рецидиве преступлений довольно многих ученых-криминалистов (К. А. Панько, В. Е. Южанин, А. В. Армашова, И. Б. Агаев и др.). Представляется, что такое положение вещей противоречит сущности рецидива преступлений, которая заключается в сознательном игнорировании лицом факта осуждения за совершение преступления, провозглашения обвинительного приговора. Следует согласиться с мнением авторов, которые полагают, что признаком рецидива преступлений является не судимость, а факт осуждения по приговору суда. Так, например, по мнению В. П. Малкова, П. Ф. Гришанина, только факт осуждения лица (без вступления приговора в законную силу) уже выступает признаком рецидива преступлений. Указанный вывод сделан с учетом социально-психологической сущности рецидива преступлений. Лицо, в отношении которого постановлен обвинительный приговор, вновь сознательно нарушающее уголовно-правовой запрет, демонстрирует свое пренебрежение к интересам общества и государства, что свидетельствует о стойкости антиобщественной направленности личности виновного и заслуживает более строгой реакции со стороны правоприменительных органов.